

После череды сокрушительных поражений Ян Тао и сам втайне поверил уличной песне, но произнести столь зловещее пророчество вслух не решался.

— Нынче время не ждёт, — нерешительно обратился он к Лин Шу. — И дорожная усадьба — не то место, где можно переждать бурю. Размыслив так и эдак, я полагаю, лучше отступить к Цзиньлиню или Янчжоу. Там мы соберём наместников и остатки гарнизонов, а после выждем час для ответного удара.

Тайкан лежал на равнине, открытый всем ветрам, и совершенно не подходил для долгой стоянки императора.

— Мой долг — повиноваться воле Вашего Величества, — отозвался Лин Шу. — Куда бы вы ни направились, я последую за вами.

Глядя на то, как рушится империя Да Янь, Ян Тао окончательно оставил надежду вернуться в Лоян к Новому году. Было решено отступить на юго-восток. Однако воинство князя Чжао наседало на пятки, свирепое и неумолимое. Генерал Жун Чжэнфу отводил войска с боями, по пути принимая под командование немногочисленные отряды верных трону ополченцев. Впрочем, большая часть наместников на местах предпочитала выжидать, не спеша принимать чью-либо сторону.

Вскоре до Ян Тао донесли пренеприятнейшие известия: оставшиеся в столице сановники почти в полном составе присягнули на верность князю Чжао. Это стало для него сокрушительным ударом. предавать вчерашних благодетелей ради сиюминутной выгоды — увы, старая как мир привычка. Простому же люду, покуда нет войны да в закромах есть рис, и вовсе было всё равно, кто воссядет на драконий трон.

Приходилось отступать дальше, терпя поражение за поражением. Спустя три месяца войско Ян Си настигло медлительную императорскую кавалькаду неподалёку от Хуайюаня.

Стягивая кольцо окружения, Ян Си отправил к брату гонца с коротким посланием:

— Младший брат почтительно умоляет державного брата вернуться в столицу. Дворец Празднования Рассвета на западе Лояна велик и просторен; его сады и пруды, хоть и созданы руками человеческими, неотличимы от творений самой природы. Обитель ждёт Ваше Величество, а содержание останется прежним.

Во дворце Празднования Рассвета прежде доживали свои дни два отрёкшихся от власти императора империи Да Янь. Прочитав письмо, Ян Тао не разгневался, а лишь горько усмехнулся. Он медленно разорвал послание в клочья и бросил их к ногам посланника. С присущим ему благородством он ровно проговорил:

— Ступай и передай князю Чжао: пусть оставит тщетные надежды. Если мне не суждено вернуться в столицу истинным Сыном Неба империи Да Янь, я предпочту сложить голову на

чужбине. А в покои низложенных владык во дворце Празднования Рассвета я не шагну никогда.

Выслушав ответ гонца, Ян Си лишь усмехнулся:

— В таком случае — трубите общий сбор. Начать наступление по всему фронту.

С тех пор как Ян Тао без боя оставил столицу, братья ещё никогда не сходились так близко. Разделяемые лишь мутными водами реки Хуайхэ, Ян Тао со своего берега отчётливо видел развевающиеся штандарты Ян Си, а тот различал среди вражеских рядов на другом берегу золочёный императорский зонт.

Моросил затяжной весенний дождь, окутывая прибрежные рощи сизой дымкой; водяная взвесь дрожала в воздухе, скрадывая очертания предметов. Бэйчэнь Цин и Ян Е стояли на дозорной вышке, силясь разглядеть сквозь серую пелену фигуру беглого монарха и его свиту, но тщетно. Ян Е в нетерпении топнул ногой:

— Лук мне! Живо!

Стоявший рядом Вэй Линьсянь поспешно протянул ему оружие. Перехватив лук со стрелами, Ян Е тут же всучил их Бэйчэнь Цину:

— Юньци, бей скорее! Вон тот, на том берегу, вылитый император!

— Расстояние непомерное, как я отсюда попаду? — покачал головой Бэйчэнь Цин. — К тому же почему бы тебе самому не попробовать?

— Куда мне до тебя, — заискивающе ухмыльнулся Ян Е. — Моё искусство стрельбы... сам знаешь, курам на смех.

Бэйчэнь Цин искоса взглянул на него и мягко улыбнулся:

— Не горячись. Господин Жэнь уверяет, что ненастье затянется на несколько дней. Мы воспользуемся этим и переправимся под покровом ночной темноты. И нечего тебе крутиться возле меня — ступай, твой брат повсюду тебя ищет.

Ян Е передёрнуло.

— Ну уж нет, — проворчал он. — Он в последнее время только и делает, что пилит меня. Сил моих больше нет, не пойду.

С тех пор как Ян Е самовольно увёл часть войска и сбежал на фронт, прошло всего несколько дней, прежде чем его настигли Ян Си и Бэйчэнь Цин. С той поры юноша всеми силами избегал грозного старшего брата. Однако сколько верёвочке ни виться, а конца не миновать — расплаты избежать не удалось. Ян Си поймал беглеца, нещадно оттащав за уши и устроил такую головомойку перед подчинёнными, что Ян Е едва сквозь землю не провалился от стыда. Гнев старшего брата до сих пор не утих: он требовал немедленного возвращения нарушителя в Лоян, и никакие заступники не могли смягчить его сердце. Ян Е уезжать наотрез отказывался. Понимая, что просить за себя бесполезно, он просто играл с братом в кошки-мышки, увиливая от встреч. Со временем Ян Си сменил гнев на милость и соскучился по непутёвому родственнику, но поймать того никак не мог, отчего злился пуще прежнего. Ян Е же притворялся круглым дураком и делал вид, что ничего не замечает.

Той ночью, когда ледяной ливень хлынул на реку, лагерь императора содрогнулся от внезапного нападения. Среди начавшейся суматохи генерал Жун Чжэнфу, наспех организовав оборону, поспешил к государю, дабы умолять его о немедленном бегстве. Раны Лин Шу к тому времени почти затянулись. Обычно он со своими гвардейцами Ичжэнь держался в тени, не выказывая присутствия, но в этот роковой час долг велел ему занять место подле императора. Слыша, как сквозь непрекращающийся шум бури доносятся яростные крики нападающих, и не зная точной численности врага, Лин Шу поспешил к государю:

— Ваше Величество, нам нужно уходить. Немедленно следуйте за мной.

Увидев Лин Шу так близко — окрепшего, обретшего прежний голос и уверенность в каждом движении, — Ян Тао невольно оробел и отступил на шаг. Спohватившись, он неловко кашлянул, пытаясь скрыть минутную слабость. Лин Шу давно привык к переменчивому нраву своего повелителя и не подал вида. Приказав гвардейцам расчищать путь для отступления императора, он решил лично прикрыть тыл.

Под покровом ночи Ян Тао в окружении перепуганных придворных и членов императорского дома позорно бежал. Повсюду разносился звон оружия, ржание испуганных коней и пронзительные крики; разобрать, откуда насаждает враг, было невозможно. Свите оставалось лишь пробираться туда, где крики казались тише.

Лин Шу с несколькими десятками гвардейцев удерживал проход. Облачённые в глухие чёрные одежды, скрыв лица тёмными повязками, под сенью широких бамбуковых шляп воины буквально сливались с ночной мглой. Стоило преследователям подойти слишком близко, как из темноты веером сыпались смертоносные удары, заставляя врага отступать снова и снова.

Яростная схватка затянулась до глубокой ночи. Старые раны Лин Шу давали о себе знать, силы таяли на глазах. Изрядно поредевший в ночной суматохе отряд держался на одном упрямстве, стремясь выиграть для императора как можно больше времени. Лишь когда погоня стихла, Лин Шу позволил себе короткую передышку. Заметив впереди смутные очертания поросшей лесом горы, он велел укрыться под густыми кронами.

Опустившись у подножия раскидистого дерева, Лин Шу тяжело дышал. Дождь разошёлся не на шутку: тяжёлые капли с шумом пробивали листву, нещадно хлеща по лицу и плечам. Вода,

стекавшая с краёв бамбуковой шляпы, намочила спину, отчего недолеченная рана заняла с новой силой. Лин Шу попытался растереть ноющее плечо, но боль не унималась.

— Командир, к нам кто-то приближается, — негромко шепнул вынырнувший из темноты гвардеец.

— Разведай, — коротко бросил Лин Шу.

Разведчик бесшумно скользнул прочь и вскоре вернулся со сдержанным докладом:

— Идут по нашему следу. Народу много. Прикажете принять бой?

Лин Шу и сам расслышал приближающийся гул шагов. Очевидно, противник шёл по следам беглого императора. Долгие месяцы скитаний умили былую вспыльчивость Лин Шу, сделав его куда осмотрительнее. Зная, что Ян Тао уходил на юго-восток, он указал рукой в противоположную сторону:

— Нет. Уводи людей на северо-восток. Шумите побольше, заставьте их свернуть с пути.

Гвардеец коротко кивнул и отдал приказ отряду. Едва передовые отряды врага показались на опушке, воины Ичжэнь нарочито шумно бросились наутёк. Ловушка сработала: преследователи тут же заметили движение, огласили лес криками и ринулись в погоню.

Притаившись за массивным стволом, Лин Шу молча наблюдал, как мимо него проносятся вереницы всадников и пехотинцев, похожие в ночной полутьме на полчища призраков.

И вдруг взгляд его выхватил из темноты знакомый силуэт. Это был Ян Е. Даже во мраке ненастной ночи Лин Шу узнал бы его из тысячи. Тот восседал на коне в окружении плотного кольца телохранителей. Напряжённый, взволнованный, он упрямо пренебрёг доспехами; мокрые одежды прилипли к телу, а намокшие пряди волос облепили бледное лицо. Юноша то и дело всматривался в лесную чащу и понукал солдат двигаться быстрее.

В это мгновение верный клинок Лин Шу словно заскрежетал в ножнах от нетерпения, а в груди вскипела удушливая, слепая ярость. Весь мир вокруг точно онемел, стихли крики солдат и топот копыт — остался лишь оглушительный, безумный стук дождевых капель, молотивших прямо по натянутым струнам его израненного сердца.

Пальцы Лин Шу судорожно сжали рукоять меча до хруста в суставах. Он тщетно силился обуздать рвущуюся наружу жажду крови. Пока он в смятении боролся с собой, конь Ян Е поравнялся с его укрытием. Их разделяло не более двух десятков шагов. Словно почуяв невидимую угрозу, юноша резко повернул голову в сторону деревьев. Его взгляд — тревожный, ищущий, полный немого вопроса — устремился прямо туда, где притаился Лин Шу.

Но что могло таиться в этой глухой, залитой дождём чаще? Ничего. Должно быть, то была лишь причуда утомлённого разума.

Ян Е прищпорил коня и скрылся за завесой дождя так же быстро, как и появился.

Дождь лил сплошной стеной, укрывая глухую ненастную ночь плотной пеленой. Лин Шу так и стоял неподвижно за деревом, терпя ломоту в заочневшем теле. Раны разболелись нестерпимо, и эта тупая боль отдавалась в самой глубине души. Как бы сильно он ни ненавидел, ему по-прежнему не хватало духу открыться. Слишком много скопилось обид, слишком запутались нити былой привязанности, чтобы разрубить их одним махом. Горечь, гнев и тоска слились в один тяжёлый ком. Ему оставалось лишь безмолвно смотреть вслед уходящему Ян Е, чья спина растворялась в ночном тумане, пока окончательно не скрылась из виду.

Весенний шелест капель в его сознании обернулся затяжным осенним ненастьем. Время совершило свой круг: та мимолётная встреча осталась позади, уступив место долгому полугоду скитаний.

Все эти месяцы Лин Шу неотступно следовал за бегущим императором. От Хуайюаня они отступили к Фэнъяну, где обе армии три месяца стояли друг против друга. Затем Ян Тао пришлось преодолеть горные перевалы и искать убежища в Динъюане. То был крошечный городок с ветхими стенами и пересохшим рвом; едва завидев на горизонте передовые отряды преследователей, беглецы поспешили укрыться в Чжучжоу. Тяготы пути лишили бывших повелителей остатков величия. Сопровождавший брата князь Ци, Ян Ле, окончательно пал духом и озлобился — его любимые наложницы по дороге разбежались, разболелись или поумирали, и теперь он без умолку сыпал проклятиями. Разум второго принца, Ян Чжао, окончательно помутился, и придворные лекари лишь разводили руками. Не перенёс тягот скитаний и один из юных царевичей, наследников Ян Тао. Смерть дитя принесла безутешному благородному отцу бездну горя, но ему оставалось лишь проливать слёзы под безучастной луной.

Лишь Лин Шу оставался предан императору. Он охранял покой государя днём и ночью, бесчисленное множество раз спасая его жизнь в самых безвыходных положениях.

Когда они наконец добрались до окрестностей Чжучжоу, начало смеркаться. Обессиленный отряд едва держался на ногах. Генерал Жун Чжэнфу отдал приказ разбить лагерь у подножия холма, чтобы дать императору возможность отдохнуть.

Вечерняя трапеза была скудной. Ян Тао велел пригласить к своему столу братьев — Ян Чжао и Ян Ле. Второй принц на сей раз пребывал в относительном рассудке и молча жевал пресный рис, но Ян Ле, едва завидев убогое угощение, брезгливо поморщился и завёл унылую песню:

— Августейший брат, куда же мы всё-таки бежим? Будет ли этому край?

Ян Тао, измотанный не меньше прочих, с трудом подавил раздражение.

— Мы держим путь в Цзиньлинь, — сухо ответил он. — Полноводная Янцзы станет надёжной преградой для врага. Цзиньлинь крепок, к тому же там сосредоточены наши основные речные силы. С ними мы сможем переломить ход войны. Разве обороной города командует не твой двоюродный брат по материнской линии, воевода Цзюнь Вэнчжэ?

При упоминании воеводы Цзюня лицо Ян Ле на мгновение исказилось испугом, но он тут же поспешил перебить государя натянутой улыбкой:

— Цзиньлинь? Пристанище увядших династий, овеянное тоской и туманами? Гоже ли Сыну Неба искать там приют? Разве сравнится он с Янчжоу, славным своими развлечениями и вечным праздником жизни? Почему бы тебе, брат, не повернуть к Янчжоу?

Ян Тао едва зубами не заскрежетал. Очутившись на краю гибели, этот глупец по-прежнему бредил вином и девками! Император помрачнел и демонстративно отвернулся, но Ян Ле было не унять:

— И пусть болтают, будто Цзиньлинь неприступен. На мой взгляд, Янчжоу куда надёжнее. Покойный батюшка в своё время держал там великого генерала Шэнь. Тот питал слабость к возведению укреплений и отгрохал в Янчжоу такие стены — загляденье! Высокие, прочные, век не сокрушить. Куда какому-то Цзиньлиню до них!

Ян Тао с силой опустил ладонь на стол.

— Довольно, — оборвал он брата. — Сначала закончим ужин, разговоры после.

Однако Ян Ле и не думал униматься. Он тоже хлопнул по столу, заставив чарки подпрыгнуть:

— Да как это свиное пойло вообще можно в рот взять?! Державный брат, те придворные лизоблюды, что остались в Лояне, сейчас катаются как сыр в масле и в ус не дуют! Один я, верный долгу, тащусь за тобой по этой грязи. И какова благодарность? В Цзиньлинь я не поеду, и не проси. Желаешь погибнуть там — забирай безумного второго брата и прочих, а я отправляюсь в Янчжоу!

Ян Тао затрясся от ярости, его палец упёрся в грудь наглеца:

— Да как ты смеешь... бунт затевать?!

Ян Ле лишь вызывающе вскинул подбородок. Вдруг со свистом пущенный глиняный кубок пролетел в волоске от его виска и разбился о стену шатра — у императора окончательно сдали нервы. Не успел перепуганный Ян Ле опомниться, как раздался оглушительный грохот. Второй принц, Ян Чжао, сочтя происходящее забавным, с воплем перевернул тяжёлый обеденный стол. Посуда с остатками еды полетела на пол. Безумец принялся скакать вокруг, радостно хлопая в ладоши:

— Дерутся! Смотрите, дерутся! Ха-ха-ха!

В то же мгновение горло Ян Ле обожгло ледящей сталью. Острый клинок упёрся ему прямо в кадык, а над ухом раздался свистящий, полный тихой угрозы шёпот:

— Склони голову перед Сыном Неба, ничтожество.

Незнакомец возник из ниоткуда, словно призрак, соткавшийся из ночного тумана. От ужаса у Ян Ле перехватило дыхание, а по спине пробежала мертвенная дрожь.

— Холодно... — пролепетал он, косясь на лезвие. — Убери... умоляю...

Ян Чжао, мгновенно позабыв про веселье, уставился на них округлившимися глазами и заверещал:

— Убивают! наших бьют!

Лин Шу смерил пленника презрительным взглядом, не удостоив ответом. Ян Ле прежде никогда не сталкивался с предводителем гвардии Ичжэнь и принял его за обычного телохранителя. Однако ледящий душу взор этого воина обещал столь скорую и мучительную расправу, что у князя душа ушла в пятки.

— Брат! Августейший брат, спаси! — истошно взмолился он.

Ян Тао посмотрел на прямую, тонкую спину своего защитника и тяжело вздохнул:

— Оставь его, Лин Шу. Мой брат делит со мной все тяготы изгнания, немудрено, что разум его помутился от лишений.

Лин Шу беспрекословно повиновался: убрал оружие и бесшумно отступил в тень. Почувствовав себя в безопасности, Ян Ле тут же разрыдался от пережитого унижения и, тыча пальцем в сторону Лин Шу, брызжа слюной, заорал:

— Да кто ты такой, собака немытая, чтобы сметь заносить клинок над членом императорской семьи?! Из моих четырёх наложниц две сгинули в дороге, третья сбежала, а последняя дышит на ладан! Разве это жизнь?! Грязный холоп, чтоб тебя черти живьём сожрали! погоди, доберёмся до Янчжоу — я с тебя лично шкуру спущу!